

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сказка про перстень о двенадцати винтах

Жил-был себе в одном селе сын с матерью, а мать была у него старая-престарая старуха, и звали этого сына Иван-дурак. Жили они в убогой избёнке об одном оконце и в великой бедности: такая бедность была, что окромя хлеба чёрствого, почитай, и не едали ничего, а иной раз и того ещё не было. Мать сидит, пряжу прядёт, а Иван-дурак на печи сидит, в золе копается да знай сопит себе. Вот только мать и говорит ему:

– Что ты, Иванушка, сидишь да сопишь себе на печи-то в золе? Шёл бы ты куда, к корчме, что ли; авось-либо добрый человек какой попался, взял бы тебя к себе в батраки – всё хоть какой-нибудь кусок хлеба был! А дома-то кормиться нам нечем.

– Ну, ладно, я пойду! – говорит дурак; взял и пошёл себе к корчме.

Навстречу ему человек попадается:

– Куда идёшь, Иван-дурак?

– В службу иду наниматься.

– Ступай ко мне служить: вот тебе столько-то я жалованья положу и всё прочее.

Согласился Иван, пошёл к нему в службу. А у того человека сука была, и оценилася эта сука; Иванушке очень уж понравился один щенок, и вы́ходил он этого щенка. Проходит год, пора и к расчету за службу. Даёт хозяин Ивану деньги, благодарит его, а Иван и говорит ему:

– Не надо мне ваших денег, а дайте вы мне лучше того щеночка, что я у вас вы́ходил.

Тот и рад, что денег-то платить не надобно, отдал ему щенка.

□Пришёл Иван домой; мать как узнала, давай на него плакаться:

– Все люди, как люди, один ты у меня дурак! И то есть было нечего, а теперь ещё одна лишняя душа – чем кормить собаку-то будем?

Иван-дурак ничего себе не отвечает, сидит себе на печи, сам сопит да знай только в золе копается; и собачка его с ним. Проходит мало ли, много ли времени, опять мать говорит ему:

– Что сидишь-то без толку? Шёл бы к корчме, авось-либо добрый человек какой попался, взял бы тебя в батраки.

– Ну, ладно, я пойду! – говорит дурак, взял собачку свою и пошёл.

Навстречу другой хозяин ему:

– Куда идёшь, Иван-дурак?

– В службу, – говорит, – наниматься.

– Ступай ко мне служить!

– Ладно!

Договорились они, и пошёл дурак опять в батраки. А у хозяина у

этого кошка была; вот она и окотилась. Полюбился дураку один котёночек, он и выходил его. Приходит время к расчёту. Иван-дурак и говорит хозяину:

– Не надо мне ваших денег, а отдайте мне того котёночка.

– Изволь! – говорит.

Вот пришёл дурак домой, мать ещё пуще того стала плакаться:

– Все-то люди, как люди, один ты у меня дурак уродился! И то есть было нечего, а теперь ещё две лишних души кормить надобно.

□Горько стало Ивану слушать это, взял он свою собачку да кошечку и пошёл себе в поле. Видит посеред поля костёр горит и большущий костёр такой – пребольшущий! Как подходит он ближе к этому самому костру, видит: в нём змея корчится и горит на калёных углях. Сама горит, а сама кричит ему человеческим голосом:

– Эй, Иван-дурак, спаси ты меня! Я тебе большой выкуп дам за свою душу.

Взял Иван палицу и палицей той выкинул змею из костра. Как выкинул он её, глядит – а перед ним не змея, а красная девица стоит и сама говорит ему:

– Ну, спасибо тебе, Иванушка! Сослужил ты мне великую службу, сослужу я тебе ещё и больше того! Пойдём, – говорит, – к моей матери; будет она тебе давать медные деньги – ты не бери, потому это угольё, а не деньги; будет давать серебряные – также не бери, то будут щепки, а не серебро; будет выносить тебе золото – и того не бери, потому что вместо золота там будет черепьё да кирпич; а проси ты у неё в награду перстень о двенадцати винтах: тяжело ей будет отдать, иначе ты не сумлевайся, потому что она за меня отдаст его.

Вот всё так и случилось. Хоть и важно озлилась старуха, только отдала ему перстень.

□Вот идёт Иван полем и думает себе:

– Что же я теперь с этим перстнем буду делать?

Только глядит, догоняет его эта самая дочка и говорит:

– Ты, Иван, чего ни пожелаешь только, – всё это тебе будет; стань ты только вечером на пороге, отвинти все двенадцать винтов – и явятся перед тобою двенадцать тысяч человек, что захочешь, то им и приказывай, – всё тебе будет исполнено!

Пришёл Иван домой, ничего не сказал матери, а сам сел себе на печь, сопит да в золе копается. Вот пришёл вечер, легли они спать; Иван выждал время, выходит на порог, отвинтил в перстне все двенадцать винтов – и явились перед ним двенадцать тысяч человек:

– Ты – наш господин, мы – твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!

И говорит им Иван:

– Сделайте вы мне, чтобы на этом самом месте стоял дворец, какого и в свете нет, и чтобы я спал на золотой кровати, на лебяжьей перине, и мать моя то же само, и чтобы кучера, и фореиторы, и лакеи, и всякие сильные и важные люди ходили бы у меня по двору и служили бы мне.

– Ложись себе с богом, – говорят ему люди, – всё будет по слову твоему исполнено.

□Просыпается Иван-дурак наутро и даже сам испугался; смотрит: спит он на золотой кровати, на лебяжьей перине, и стоят тут высокие хоромы и такие богатые, что даже и у царя-то ихнего нет таких, а по двору ходят кучера, и фореиторы, и лакеи, и всякие сильные и важные люди и служат ему. Подивился дурак, думает: «Ладно!» Глянул в зеркало – самого-то себя не узнать: стал таким красавцем, что ни пером описать, ни в сказке сказать; как след (следует), по хоромам и господин! Вот только просыпается тем часом и царь (а в том месте царь ихний жил),

смотрит он: стоят супротив его дворца высокие хоромы, и стоят они – сами словно жар горят золотом. Посылает царь проведать: «Чьи такие? И пускай, мол, ко мне приедет показать себя, каков он такой есть». Докладывают Ивану.

– А сказать ему, – говорит, – что Ивана-царевича хоромы; а коли хочет видеть меня, так не велик господин, пускай сам приедет!

Нечего делать, поехал царь к Ивану-дураку; познакомились они, и опосля этого поехал и Иван-дурак к царю-то. А у царя распрекрасная дочка-королевишна была. И она, эта дочка, угощения Ивану подносила, и тут больно уж полюбилась ему. Стал просить царя, чтобы замуж за него отдать.

□Вот теперь и царю в свой черёд тоже поломаться захотелось:

– Отдать-то, – говорит, – отчего и не отдать; только ты, Иван-царевич, сослужи мне прежде того службу. Дочь моя роду не простого, и потому венчаться ей надо как ни на есть лучше во всём народе. Сделай ты мне, чтоб от твоего дворца до моего дворца золотая дорога легла; а через реку чтобы был у меня мост, да не простой, а такой, чтобы одна сторона была золотая полоса, а другая сторона – серебряная полоса, и на реке чтобы плавали всякие птицы редкие, гуси и лебеди; а по ту сторону реки пускай церковь стоит, да не простая, а вся восковая, и вокруг неё пускай зацветают восковые яблони и спелые яблоки родят. Коли ты мне, – говорит, – сделаешь всё это, быть дочери за тобою, а не сделаешь – на себя пеняй!

Думает царь, что ну вот теперь уже вволю насмеялся над Иваном, а Иван и в ус себе не дует.

– Ладно, – говорит, – извольте; готовьте к завтраму свадьбу!

С тем и уехал.

□Вечером, как все спать улеглись, стал он на пороге, отвинтил в перстне все двенадцать винтов – встали перед ним двенадцать

тысяч человек:

– Ты – наш господин, мы – твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!

– Так и так, – говорит, – нужно мне то-то и то-то.

– Ладно, – говорят, – ложись себе с богом.

Просыпается царь наутро, подходит к окну, а глаза ему так и ослепило – ажно отскочил на три сажени: это, значит, мост-то, одна полоса серебряная, другая золотая, так и горит и светится; на реке гуси и лебеди и всякая птица редкая, а на том берегу церковь белая восковая, и вокруг церкви яблони стоят, только без листьев, голые прутья торчат. – «Ну, – думает царь, дело-то неладное, надо снаряжать дочку к венцу». Снарядили и поехали. Выехали из дому, а на яблоньках почки проступили; едут по мосту, а яблоньки листвою одеваются; подъезжают к церкви, а на яблоньках белые цветочки распускаются; как только что время выходить им от венца, а тут встречают их слуги и всякие люди и на золотом блюде подают спелые яблоки. Так они и стали свадьбу справлять и пиры да балы задавать, и был там пир у них три дня и три ночи.

□ После того мало ли, много ли времени прошло, стала королевшна приставать к Ивану:

– Скажи ты мне, супруг мой любезный, как ты всё это делаешь, что и мост в одну ночь строишь и церковь восковую ставишь?

Иван-дурак долго не хотел говорить ей; иначе так как уж очень её любил и очень она у него просила, так он и сказал ей, что у меня-де перстень о двенадцати винтах и так-то вот надо обходиться с ним. Ну, вот так и живут они; только на беду полюбился королевшне один лакей ихний, из себя видный, здоровый и красивый такой; она с ним и сговорила, чтобы обокрасть мужа своего и перстень у него унести, а самим уйти бы жить за́море. Вот только как пришёл вечер, вынула она потихоньку перстень, стала на пороге, отвинтила все двенадцать

винтов — и явились перед нею двенадцать тысяч человек:

— Ты — наша госпожа, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!

Она говорит им:

— Возьмите вы этот дворец и как есть со всем перенесите его за́ море, а на сём месте пускай станет прежняя избушка с моим муженьком Иваном-дураком.

— Ложись себе с богом, — говорят ей люди, — всё будет по слову твоему исполнено.

□Наутро Иван просыпается — смотрит: лежит он на рогожке, дырявым зипуном покрыт, а хором и следа нет. Горько заплакался он и пошёл к царю, своему тестюшке, приходит во двор, просит доложить, что пришёл-де зять. Тот как увидал его:

— Ах, ты, такой-сякой, беспорточный! Какой ты мне зять? У меня зятя в золотых хоромах живут, в серебряных каретах катаются. Взять его и замуровать в каменный столб?

Сказано — сделано: взяли и замуровали Ивана в каменный столб; а собачка с кошечкой от него не отстают, тут же сидят вместе с ним, и прорыли они себе лазейку и через неё поесть ему пищу приносят.

□Только вот раз и вздумали они себе: «Что ж это мы с тобою, собачка, сидим здесь сложа руки! Сбегаем-ка мы за́ море да достанем перстень». Как надумали они себе это, так и сделали. Переплыли через море, видят: стоит ихний терем, и королевишна с тем лакеем по́саду гуляет, мужа своего судачит.

— Ну, собачка, пообожди ты пока здесь, а я проберуся в терем да кольцо достану, — говорит кошечка и пошла себе.

— Мяу-мяу! — под дверью.

Услыхала королевишна:

– А, это кошка того мерзавца, – говорит, – впустите да накормите её!

Вот её впустили и накормили, а она всё ходит по комнатам да высматривает перстня, только и видит, стоит печка, а на печке стеклянная банка, а в банке той перстень. Обрадовалась кошечка. «Ну, – думает, – слава богу! Теперь только бы дожждаться ночи, а там достану перстень – и домой». Только как все улеглись, она вскочила на печку и свалила оттуда банку, банка упала и разбилась, а кошечка подхватила перстень в рот и притаилась под дверь. В доме все проснулись, сама королевишна встала; увидала, что банка-то разбита.

– Ах, – говорит, – это, верно кошка того мерзавца разбила; выгнать её вон!

Выгнали кошечку вон, а она и рада, бежит к собачке:

– Ну, брат собачка, достала перстень! Теперь только поскорей бы домой.

И поплыли они через море; плывут-плывут себе, долго плывут. Коли устанет собачка – сядет она на кошечку, а коли кошечка устанет – сядет на собачку; так они и обходятся. Уж недалеко и до берега им осталось, только собачка стала изнемогать; кошечка видит это и говорит ей:

– Садись ты на меня, ты уж устала! Как сказала она это, а перстень-то изо рта у ней бултых в воду! Что тут делать? Доплыли до берегу, ходят себе да слёзно плачут, а сами уж тем часом и проголодались. Собачка бегаёт по полю, ловит птичек-воробышков, и кошечка ходит по берегу, ловит мелкую рыбицу, которую волной выбивает; тем они и кормятся. Только вдруг кошечка и кричит:

– Ой ты, собачка, ступай скорее ко мне! Я-то ведь перстень нашла! Поймала рыбку, стала её есть, а в рыбке-то и был этот перстень.

Ну, вот обрадовались они сильно, побежали к Ивану и принесли ему перстень.

□Иван дождался вечера, отвинтил все двенадцать винтов — и явились перед ним двенадцать тысяч человек:

— Ты — наш господин, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!

— Разнесите, — говорит, — сейчас же этот каменный столб, чтобы и праху от него не осталось, а из-за моря перенесите мои хоромы со всеми, кто там есть и как кто там спит, и поставьте их на прежнее место!

Тотчас же всё так и случилось. Наутро едет Иван к своему тестю-царю. Тот его встречает, на первое место сажает:

— Где, любезный зятюшка, побывать изволил?

— Я, — говорит Иван, — был за́морем.

— То-то, — говорит, — за́морем! Видно, по спешному делу, что к тестю и проститься даже не заехал... А тут без тебя приходит ко мне какой-то голоштанник и называется моим зятем; я его приказал в каменный столб замуровать, там он, — говорит, — и сгинул, верно! Ну, а ты, любезный зятюшка, где побывать изволил, какие виды видывал?

— А видывал я, — говорит, — разные виды; за́морем одно такое дело было, что никто не знает, как и рассудить.

— Какое ж такое это дело?

— А вот какое! И коли ты теперича умный человек, так вот и рассуди по своей царской мудрости: была у мужа жена, от живого мужа завела себе душеньку, обокрала с этим душенькой мужа-то и ушла было с ним за́море, а теперь спит с ним на одной кровати. Что по-твоему надо сделать с такою женой?

— По своей царской мудрости я, — говорит, — скажу такое слово:

взять их обоих, привязать к конским хвостам и пустить в чистое поле: тут им и казнь!

– Ну коли так, так ладно же! – говорит Иван. – Поедем ко мне в гости, я тебе покажу другие виды и другое диво.

Поехали они, входят в спальню: а там королевишна, обнявшись с тем лакеем, спит на золотой кровати, на лебяжьей перине, и знать ничего не знает. Ну, уж тут нечего делать – по царскому слову взяли привязали их к конским хвостам и пустили жеребцов в чистое поле: тут им и казнь была! А Иван опосле женился на той красной девице-раскрасавице, которую он из огня спас, и стали они жить да поживать да добра наживать.

 Загрузка...